

И. Т. КУПРИЯНОВ

Судьба поэта (личность и поэзия Максимилиана Волошина)

<Фрагменты>

Введение

Конец XIX — начало XX в. — сложный и интересный период истории русской литературы. <...>

Классики марксизма-ленинизма указывали, что исследование того или иного круга проблем надо начинать прежде всего с изучения материала не произвольно подобранного, а взятого во всем объеме, без изъятий и ограничений. К. Маркс писал: «Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение»¹. Исследователям, отмечал В. И. Ленин, «необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения...»². Хотя эти высказывания не относятся прямо к литературе, их общеметодологическое значение бесспорно в равной мере для всех сфер исследования.

Широко известны высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина по вопросам литературы и искусства. В. И. Ленин, например, неоднократно призывал бережно относиться к культурному наследию прошлого и к его критическому освоению. Ленинский метод анализа художественных явлений, его определения идейно-эстетических позиций как отдельных представителей художественной интеллигенции, так и целых направлений стали высоким образцом для исследователей.

К художественному наследию писателей предоктябрьской поры, по утверждению В. Перцова, «должен быть особый идеологический критический подход. И глупо здесь пугать жупелом «модернизма»: как художественное направление модернизм плох — сколько раз нужно это повторять! — но нельзя все валить в одну кучу; отдельные мастера, произведения, элементы искусства могут быть интересны и хороши. Глупо было бы не стремиться во всем этом разобраться и взять лучшее»³.

С высказыванием Перцова следует согласиться. Необходимо решительно отказаться от сравнительно недавно бытовавшей практики во всех случаях давать литературным направлениям и их представителям однозначную оценку: только положительную или только отрицательную. Абсолютизация одной из сторон представляет метафизический метод анализа. Как известно, подход классиков марксизма-ленинизма, крупных ученых и художников к культурному наследству был диалектическим. Например, К. Маркс отрицал идеалистическую систему взглядов Гегеля, но ценил в ней «рациональное зерно» — диалектику, В. И. Ленин видел в Л. Толстом великого художника, творчество которого стало зеркалом русской революции, и крестьянина, юродствующего во Христе, М. Горькому были чужды воззрения символистов, но он советовал молодым литераторам учиться у них технике стиха.

В наше время преодолевается практиковавшийся в прошлом выборочный метод изучения литературы конца XIX — начала XX в., рассматривается творчество ранее «забытых» писателей. Однако еще есть белые пятна на литературной карте предоктябрьского периода. Восполнить имеющиеся пробелы — насущная задача советских литературоведов. Следует помнить, что неизученность некоторых вопросов нашими учеными открывает возможность зарубежным «советологам» по-своему определять идеологическое лицо наших писателей, политические и идейно-эстетические платформы русских литературных направлений, извращая факты, подчинять свои труды целям буржуазной пропаганды. Руководствуясь марксистско-ленинской методологией, исходя из партийности советской науки, наши литературоведы сами в состоянии разобраться во всех явлениях искусства, дать широкую обобщающую картину литературного движения того времени.

<...>

Настало время на весах научной объективности взвесить творчество Максимилиана Александровича Кириенко-Волошина (1877–1932). Его перу принадлежит много оригинальных стихотворений и поэм, переводов из французской и немецкой литератур, немало критических статей, рецензий, заметок, его кисти — множество акварелей.

Творческая судьба Волошина сложилась несколько необычно. Заслужив признание современников, в 30–50-е годы он был забыт. Только в 60-е годы оживился интерес к его личности. В значительной степени этому способствовали разнохарактерные воспоминания В. Вересаева, И. Эренбурга, Вс. Рождественского, Эм. Миндлина⁴ и многих других, в которых тепло и взволнованно рассказано о Волошине — человеке необычной судьбы, большой культуры, всесторонней эрудиции, тонкого и изящного вкуса, пламенной, страстной души. Из книги Б. Яроцкого «Ульянов-младший» читателям стало известно о полном доверии рево-

люционеров Волошину еще в 1911 г., а также о том, что Дмитрий Ильич любил его стихи, знал их наизусть и считал, что по-настоящему проявится способность поэта «в обществе свободных и равных»⁵. Эм. Миндлин, Д. Бабкин⁶ и другие в своих мемуарах рассказали о том, как во время гражданской войны в Крыму при белых большевики-подпольщики советовались с Волошиным, доверяя ему, как он симпатизировал Советской власти и стал на службу трудящимся массам.

Интересное свидетельство оставил член КПСС с 1921 г. Л. Ленцнер. 16 июня 1921 г. он в качестве представителя от Крыма был в Москве на третьем Всероссийском продовольственном совещании, где выступал В. И. Ленин. Владимир Ильич беседовал с участниками совещания, в том числе с Ленцнером, который много лет спустя воспроизвел свой разговор с вождем. Вот часть этой беседы:

«— Возле Феодосии находится старинный курорт интеллигенции. Сейчас там проживает доктор Вересаев, поэт Волошин, артистка Массалитинова (он назвал еще несколько фамилий, которые я забыл), а в Судаче — выдающийся армянский композитор Спендиаров. Как они снабжаются?

— Проездом я был в Коктебеле и Судаче. Раньше они снабжались пайком служащих, а после моего посещения коллегия Наркомпрода решила их снабжать академическим пайком, — ответил я.

— Это хорошо, — сказал удовлетворенно Ленин»⁷.

Это еще одно свидетельство заботы В. И. Ленина о дореволюционных кадрах, о творческой интеллигенции, в том числе и о Волошине.

<...>

Начало пути. Истоки творчества

Мировоззрение Волошина складывалось под влиянием общественной жизни, под воздействием окружения, художественной и научной литературы. Его творчество — сложный путь постоянных исканий, находок и разочарований. Он трудно шел по извилистым путям и перепутьям русской художественной жизни начала нашего века, много странствовал, немало видел, со многими выдающимися людьми был связан теплой дружбой. Все виденное и пережитое отражалось в его произведениях. В жизненной судьбе Волошина — ключ к пониманию его поэзии, эстетической системы.

<...>

Е. О. Волошина поощряла увлечения сына литературой и живописью, но хотела дать ему хорошее систематическое образование. В 1883 г. она поселилась в одном доме с семьей инженера О. П. Вяземского, к детям которого был приглашен гувернер — студент Н. В. Туркин⁸, романтик

и фантазер, своеобразно относившийся к своим педагогическим обязанностям. <...> Учитель рассказывал своему питомцу о спиритизме, знакомил его с основами буддизма. Наряду с этим Туркин стремился вызвать у него интерес к художественной литературе. Он давал читать Максиму рассказы Эдгара По, пристрастил его к Ф. Достоевскому, творчеством которого Волошин интересовался всю жизнь. Впоследствии поэт с благодарностью отзывался о нем: «...разнообразной культурной подготовкой я обязан своеобразному учителю — тогда студенту — Н. В. Туркину»⁹.

Но, по-видимому, в зрелые годы Волошину не следовало так безоговорочно благодарить своего первого учителя. Расширяя сферу культурных интересов, Туркин одновременно направил развитие Волошина в сторону от передовых идей века. Здесь истоки последующих увлечений поэта мистическими исканиями. С детских лет его сознание было отравлено ложными представлениями, которые впоследствии с большим трудом ему пришлось преодолевать.

<...>

В Париже Волошин продолжал интересоваться русской жизнью и литературой. У него сложилось убеждение, что будущие исследователи начинавшейся русской революции будут, как он писал матери 16 мая 1901 г., «отыскивать ее причины, симптомы и веяния и в Толстом, и в Горьком, и в пьесах Чехова, как историки французской революции видят их в Руссо и Вольтере, и Бомарше»¹⁰. Эту верную мысль Волошин не совсем точно изложил: не причины революции в творчестве писателей, а творчество их — «зеркало русской революции» (В. И. Ленин).

<...>

И все же оторванность от родины, от прогрессивного, борющегося класса сказалась на взглядах Волошина. В студенческие годы, прерывавшиеся ссылками, у него выработалось критическое отношение к действительности. Но он не обладал достаточными социально-экономическими знаниями, чтобы разобраться в противоречиях духовно раздробленной эпохи. Отдаленность от освободительного движения помешала ему увидеть его перспективы. Поэт возненавидел буржуазную цивилизацию, отвернулся от нее. Нежелание художника служить существующему строю, выезд за границу были пассивным протестом. В начале XX в. Волошин оказался в таком же положении, в каком были французские парнасцы и «проклятые поэты» во второй половине XIX в., особенно после падения Парижской коммуны. Как известно, возникновение во Франции теории «чистого искусства» или «искусства для искусства» связано с социальными предпосылками. В творчестве французских поэтов были элементы недовольства современным им социальным строем. Уход их на позиции «искусства для искусства», разрыв с действительностью — не примирение с общественным стро-

ем, а напротив, отрицательное отношение к нему, своеобразная форма пассивного протеста, далекого, разумеется, от подлинной революционности. Поэтическая аполитичность как реакция на политику французского правительства привела поэтов к индивидуализму, к отрицанию общественной роли искусства, к неверию в будущее, т. е. к глубокому социальному пессимизму и декадансу.

<...>

Политический и моральный индифферентизм многих французских поэтов не смущал Волошина и наложил определенный отпечаток на его творчество. Из произведений поэта исчезла гражданская тематика, имевшая место в его юношеских стихотворениях. Поэт быстро эволюционировал в сторону созерцательности, замкнулся в субъективных переживаниях. Этот мировоззренческий поворот был обусловлен отсутствием у поэта четко очерченных общественных идеалов, тем, что его натура легко подвергалась различным влияниям, была эмоциональной, без выраженной самодисциплины. К тому же литературная атмосфера Парижа, общение с определенной частью французской художественной интеллигенции способствовали укреплению в нем склонности к анархизму, аполитизму, ориентации на «эстетизм», на создание произведений, лишенных общественной проблематики.

<...>

Идейно-эстетические искания

Буддизм был «первой религиозной ступенью», на которую Волошин стал в 1902 г. В этом же году в Риме он соприкоснулся с католичеством и усмотрел в нем «спинной хребет всей европейской культуры»¹¹. Затем он прошел сквозь близкое знакомство с магией, масонством, теософией и т. д. Идеалистические положения религиозных учений, лекции А. Бергсона, беседы с Р. Штейнером вырабатывали в нем «склонность к духовно-религиозному восприятию мира»¹², притупляли способность давать социально-политическую оценку происходящим событиям.

Увлеченность идеалистической философией, религиозными построениями, западноевропейским декадентским искусством частично отразилась на эстетических взглядах Волошина. Но при всем этом жадный интерес к путешествиям, к жизни многих народов, к истории древних и новых культур препятствовал его полному отрыву от современности. В Волошине причудливо сочетался человек, внутренний мир которого был прочно связан с живой жизнью в ее ощутимых, конкретных проявлениях, с поэтом-декадентом, безразличным ко всему происходящему. Двойственность натуры мешала ему увидеть новое, прогрессивное, препятствовала глубокому осмыслению современности.

<...>

Волошин полагал, что, все впитывая в себя, но ничего в целом не принимая, он сможет найти свое видение мира и свой способ его отражения. Этого поэт мог бы достичь при том условии, если бы глубже разобрался в современных ему социальных проблемах. Исторические науки, которыми Волошин интересовался, помогли бы ему на анализе прошлого осмыслить современность, увидеть сдвиги в общественной жизни. Богоискательство же, к которому обращались писатели-декаденты, могло привести лишь к крайнему мистицизму, а от него к оккультизму.

Волошину казалось, что он в стороне, идет своим путем. Но ведь «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»¹³, писал В. И. Ленин. Во взглядах поэта не было существенных отличий от воззрений людей его окружения. Отвернувшись от современности, Волошин попал в стан эстетов, провозглашавших прекрасное высшей, едиснтвенной ценностью жизни.

*Общественная позиция
и поэтическое мировоззрение М. Волошина
периода войны и революции*

В «коктебельском затворе» Волошин узнал о свершении события всемирно-исторического значения — Великой Октябрьской социалистической революции. Эта весть не застала его врасплох, он ожидал политического обновления страны. В 1925 г. поэт писал: «Ни война, ни революция не испугали меня и ни в чем не разочаровали: я их ожидал давно...»¹⁴. Однако глубоко разобраться в происходящих переменах ему помешали как внешние обстоятельства жизни, так и декадентская мировоззренческая ориентация.

В те годы Коктебель был небольшим селением. В этом глухом уголке восточного Крыма сильно ощущалась изолированность от центральных районов страны: газеты доставлялись с большим опозданием, радио, как известно, в ту пору еще не стало массовым средством информации. В Коктебеле трудно было составить верное представление о совершающихся в России коренных переменах. Потребовалось время, чтобы Волошин осознал, что знаменовал собой Великий Октябрь.

Впрочем, революционная современность в силу разных причин не сразу была правильно понята значительной частью художественной интеллигенции.

«...Неудивительно, — писал В. И. Ленин в 1918 г., — что на самых крутых пунктах столь крутого поворота, когда кругом с страшным шумом и треском надламывается и разваливается старое, а рядом в неопикуемых муках рождается новое, кое у кого кружится голова, кое-кем

овладевает отчаяние, кое-кто ищет спасения от слишком горькой подчас действительности под сенью красивой, увлекательной фразы»¹⁵. Эти слова целиком приемлемы для характеристики общественного поведения и поэзии Волошина первых лет революции.

Волошин понимал, что революция разрушает старый мир гнета и насилия во имя создания нового, справедливого. Поэтому уже 12 января 1918 г. он писал А. Пешковскому: «Ты спрашиваешь, что я думаю о теперешних событиях? <...> Не знаю, примешь ли ты мой оптимизм: в смысле устройства земных дел я не вижу их улучшения в ближайшее время, но все происходящее мне кажется очень плодотворным в смысле исторического опыта: Россия так долго была лишена его многовековой государственной опекой, что ей необходимо наверстать упущенное. А оптимизм и оправдание действительности я считаю первым и единственным долгом по отношению к миру»¹⁶.

В декабре 1917 г., когда в окрестностях Феодосии устанавливалась Советская власть, Волошин не остался сторонним наблюдателем. Он с Княжевичем и Кедровым «устанавливали в деревне (Коктебеле. — *И. К.*) большевистское правительство»¹⁷. Красногвардейцы и местные большевики относились к поэту очень уважительно, прислушивались к его мнению. 15 января 1918 г. Волошин написал стихотворение «Из бездны». Он ставит перед собой вопрос: «Отчего же такая вера переполняет меня?» Эта вера, утверждает поэт, основывается на том, что он «в буре чует ростки неведомого всхода»¹⁸. Волошин убежден, что через социальные потрясения и тяжелые испытания, «из бездны» русский народ приведет свою родину к новым рубежам. Стихотворение оканчивается исполненными оптимизма словами:

Из бездны — со дна паденья
Благословляю цветенье
Твое — всестрастный свет!¹⁹

Однако события гражданской войны испугали Волошина. Он занял позицию наблюдателя — не проникался сочувствием к той или иной борющейся стороне, наивно полагая, что «молитва поэта во время гражданской войны может быть только за тех и за других: когда дети единой матери убивают друг друга, надо быть с матерью, а не с одним из братьев»²⁰. В стихотворении «Гражданская война» (1919) он писал:

А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других²¹.

Поза созерцателя, естественно, гораздо спокойнее, чем позиция борца, а нейтралитет оберегает от излишних неприятностей. Приверженцы абстрактного гуманизма, игнорирующие социальную борьбу, не в силах изменить к лучшему ни людей, ни их жизнь. Они остаются в пределах бесперспективного мирозерцания, бездействуют, находятся «над схваткой». О таких людях В. И. Ленин писал во время гражданской войны: «Середины нет. О середине мечтают попусту барчата, интеллигентам, господчики, плохо учившиеся по плохим книжкам. Нигде в мире середины нет и быть не может»²².

Следовательно, не только внешние обстоятельства жизни, но и политическая наивность не позволила Волошину увидеть перспективы развития революции, что определило и его поведение.

<...>

Постепенно поэт разочаровался в своей нейтралистской позиции. «Что касается Макс. Волошина, — правильно отмечал Е. Наумов, — то есть основания говорить о постепенном изменении его взглядов в пользу «красных вождей», а не «белых офицеров»²³.

Если врангелевцы хотели расстрелять Волошина, то Советская власть позаботилась о материальной помощи ему, о неприкосновенности его дома, о сохранности библиотеки и архива.

Взгляды Волошина определяли не только его поведение, но, естественно, и поэтическое творчество. Он стремился к объективному воспроизведению революционной действительности, к созданию поэтической летописи переломной эпохи. Однако поэтическое осмысление современности оказалось у него сложным и противоречивым.

<...>

В статье «На весах поэзии» Волошин четко определил свое поэтическое кредо: «Большевизм оказался неожиданной и глубокой правдой о России, которую предстоит связать со всем нашим мирозерцанием и идеологическим отношением к России. Поэтому большевизм является и вероятно останется самой глубокой и плодотворной темой для русской поэзии»²⁴.

23 октября 1921 г. Волошин написал стихотворение «Готовность», которое свидетельствует о том, что он стал полностью на нашу сторону баррикады и готов вместе со всем народом бороться за социалистическое обновление России — даже ценой собственной жизни:

Надо до алмазного закала
Прокалить всю толщу бытия,
Если ж дров в плавильной печи мало, —
Господи! — вот плоть моя!²⁵

«То, что мне пришлось в зрелые годы пережить русскую революцию, — указывал поэт, — считаю для себя великим счастьем»²⁶.

Заключение

<...>

Ретроспективный взгляд на его поэзию и позицию позволяет сделать следующие выводы.

На формировании поэтической личности Волошина решительным образом сказалась сложная, противоречивая эпоха, духовная раздробленность его поколения и внешние обстоятельства жизни. Уход в начале века исключительно в область искусства, отход от современности определили ограниченность его мировоззрения, что, естественно, обусловило эстетическую ориентацию поэта. В 1903 г. он провел черту между русскими символистами и собой — «близкий всем, всему чужой», — но, несомненно, испытал влияние символистской эстетики и поэтики.

Творческие искания отдаляли Волошина от декадентского ответвления русского литературного процесса. Накопленные жизненные впечатления, связь с реалистической традицией в искусстве, самостоятельность суждений вели его к реализму. Но процесс отталкивания от декаданса был у «молодого и восторженного эстетика»²⁷ сложным и продолжительным, преодолеть разлад с современностью ему пришлось с большими трудностями.

Мировоззренческая ограниченность не позволила Волошину вовремя понять совершающиеся в стране общественные преобразования. Он не смог за обилием внешних, частных, случайных деталей увидеть сущность явлений, за индивидуальными судьбами людей — их классовые позиции. В его сознании нарушались пропорции и связи между жизненными явлениями, утрачивалась возможность познания закономерных, основных тенденций жизни.

Любовь к жизни, природе, искусству определили гуманизм Волошина, еще во время первой мировой войны приобретший абстрактный характер. Отсюда в его поэзии ноты всепрощения, готовность в революционные годы осуждать любое кровопролитие, в его поведении — стремление спасать людей, независимо от их политических взглядов. Но со временем гуманизм Волошина приобретал классовые черты: поэт проникался целями и стремлениями победившего народа. Он глубоко осознал историческое значение Великого Октября, но, к сожалению, во многом стесненный и ограниченный воздействием декаданса, не смог воплотить это понимание в свое поэтическое творчество. А понять происходящее он сумел потому, что по природе своей, по художественным симпатиям и устремлениям не был декадентом.

Идеалистическая, абстрактно-гуманистическая позиция ограничивала крупный талант Волошина, мешала ему внести в свое творчество

пафос новаторства, несмотря на искреннее стремление к этому и на непосредственное участие в строительстве новой социалистической культуры.

Противоречия жизни и творчества Волошина имеют широкий познавательный характер — дают представление о трудной судьбе поэта, стремившегося прорваться к реалистическому отображению мира, выйти из плена декадентского эстетизма. В этом отношении жизнь и творчество Волошина — пример драмы, трагедии талантливого художника, поучительный урок, проливающий свет на судьбу многих заблуждающихся представителей буржуазного модернистского искусства наших дней, стоящих в стороне от передовых идей века.

К счастью, поэзия Волошина не вмещалась в рамки его ошибочных доктрин и не сводилась к ним; приближение к реалистическому методу, ориентация на действительность позволили ему написать подлинные лирические шедевры, в лучших стихотворениях создать впечатляющие, красочные образы окружающего мира. В первую очередь это относится к его стихам о Париже, к поэтическим портретам, стихотворным пейзажам, надписям на акварелях.

Волошин — прежде всего лирик, обогативший русскую поэзию художественным воплощением темы природы. Он — поэт геологической и исторической памяти земли, умевший претворять открытия ученого в чеканные стихотворные строки. Он — певец Киммерии, увидевший ее глазами древних греков, для которых «киммериян печальная область» была краем света, далеким севером, и взглядом современников, которые радовались ее скупой первозданной красотой.

Волошин внес в русский поэтический пейзаж пафос научного опыта, исторический взгляд, новые стиховые формы, неповторимую образность, свежий ритмико-интонационный строй.

Лирика Волошина (в лучших своих образцах) представляет несомненную ценность. Она обеспечивает поэту почетное место в истории русской литературы начала века, обогащает духовный мир нашего современника.

Творчество Волошина в целом (при всех его достижениях и утратах) помогает разобраться в сложных и напряженных идейно-эстетических исканиях русской художественной интеллигенции конца XIX — начала XX в.

<1979>

